

ОИЖ

Маяковский.

Про Это.

М.-Пг. 1923

уѣ
Рѣѣ

ОУК

ЭТО

АЯКОВСКИЙ

Кн. мн. Сл. р. все + 8 лл. илл. R
~~Вос. архив 18~~

Ей и мне

Маяковский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

021112

**Фото - монтаж обложки и иллюстраций
конструктивиста Родченко.**

Цинкография В. Ц. И. К.

Фотография Вассермана, Капустянского
и Штеренберга.

ПРО ЭТО:

ош

Государств. публ. б-ка
истории и
библиотека Р.ФСР

1259499

ПРО ЧТО — ПРО ЭТО?

В этой теме
и личной
и мелкой
перенетой не раз
и не пять
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.
Эта тема
сейчас
и молитвой у Будды
и у негра вострит на хозяев нож.
Если Марс
и на нем хоть один сердцелюдый,
то и он
сейчас
скринит
про то-ж.
Эта тема придет
калеку за локти
подтолкнет к бумаге
прикажет:
скреби!
И калека
с бумаги
срывается в клетоте
только строчками в солнце несня рябит.
Эта тема придет,
позвонится с кухни,
повернется,
сгинет шанченкой гриба —
и гигант
постоит секунду
и рухнет
под записочной рябью себя погребя.
Эта тема придет
прикажет:
—Истина!—

Эта тема придет
велит:

—Красота!—

И пускай

перекладной кисти раскислены
только вальс под нос мурлычень с креста
Эта тема азбуку тронет разбегом—
уж на что б казалось книга ясна?
и становитея

—А—

недоступней Казбека.

Замутит

оттянет от хлеба и сна.

Эта тема придет,

вовек не износится.—

только скажет:

отныне гляди на меня!

И глядишь на нее

и идешь знаменосцем
красношелкий огонь над землей знамени.
Это хитрая тема!

Цырнет под события,
в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,
и как будто ярясь

—посмели забыть ее!—

затрясет;

посынятся души из шкур.

Эта тема ко мне заявила гневная,
приказала:

—Подать

дней удила!

Посмотрела скривясь в мое ежедневное
и грозой раскидала людей и дела.

Эта тема пришла,

оставшие оттерла
и одна

безраздельно стала близка.

Эта тема ножом подступила к горлу
Молотобоец!

от сердца к вискам.

Эта тема день истемнила в темень,
колотись—велела—строчками лбов.

Имя

этой

теме:

.....!

I. БАЛЛАДА РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Стоял — вспоминаю.
Был этот блеск.
И это,
тогда,
называлось Невою.

Маяковский. „Человек“.
(13 лет работы, II т., стр. 77).

О балладе Не молод очень лад баллад,
и о балладах. но если слова болят
и слова говорят про то что болят
молодеет и лад баллад.
Лубянский проезд.
Водопьяный.
Вид

вот.

Вот

фон.

В постели она.

Она лежит.

Он.

На столе телефон.

„Он“ и „она“ баллада моя.

Не странно пов я.

Странно то

что „он“ это я

и то что „она“ —

моя.

При чем тюрьма?

Рождество.

Кутерьма.

Без решеток окошки домика!

Это вас не касается.

Говорю — тюрьма.

Стол.

На столе соломинка.

По кабелю Тронул еле — волдырь на теле.

пущен номер. Трубку из рук вон.

Из фабричной марки — две стрелки ярче
омолились телефон.

Соседняя комната.

Из соседней

сонно:

Когда это?

откуда это живой поросенок?

Звонок от ожогов уже визжит;

добела раскален аппарат.

Больна она!

Она лежит!

Беги!

Скорей!

Пора!

Мясом дымясь, сжимаю зжжение.

Моментально молния телом забежала.

Стиснул миллион вольт напряжения.

Ткнулся губой в телефонное стекло.

Дыры

сверля

в доме,

взрыв

Мясницкую

нашней,

рви

кабель,

номер

пулей

летел

барышне.

Смотрел осовело барышнини глаз,

под праздник работай за двух.

Красная лампа опять зажглась.

Позвонила!

огонь потух.

И вдруг

как по лампам пошло куралесить,

вся сеть телефонная рвется на нити. —

67 — 10!

Соедините!

В проулок!

Скорей!

Водоньяному в тишь!

Ух!

А то с электричеством станется —

под Рождество

на воздух взлетит —

со всей

со своей

телефонной

станцией.

Жил на Мясницкой один старожил.

Сто лет после этого жил —

В постели она, она лежит, —
Он.
На столе телефон.

про это лишь —
 сто лет! —
 говаривал детям дед.
 Было — суббота...
 под воскресенье...
 Окорочек...
 Хочу, чтоб дешево...
 Как ударит кто-то!..
 Землетрясение...
 Ноге горячо...
 Ходун — подонива!..
 Не верилось детям,
 чтоб так-то
 да там-то.
 Землетрясение?
 Зимой?
 У почтамта?!

Телефон бро- Протиснувшись чудом сквозь тонкий щелчок;
сается на всех. растреха трубки разнуж оправу,
 погромом звонков грома тишину
 разверг телефон дребезжающую лаву.
 Это визжащее,
 звенящее это, —
 нальнуло в стены,
 старалось взорвать их.
 Звоночки
 тыщей
 от стен
 рикочетом
 под стулья закатывались
 и под кровати.
 Об пол с потолка звончище хлопал.
 И снова
 звенящий мячище точно
 взлетал к потолку ударившись об пол
 и сыпало вниз дребезгою звончицей.
 Стекло за стеклом
 вьюнку за вьюнкой
 тянуло
 звенеть телефонному в тон.
 Тряся
 рученочкой
 дом погремунку
 топух в разнине звонков телефон.

Секундантша.

От сна
 чуть видно
 точка глаз
 поглотит щеки жаркие —

денясь кухарка поднималась
идет

кряхти и харкая.
Моченым яблоком она.
Морищият мысли лоб ее.
Кого?

Владим Владимыч?!

А!

Пошла туфлею плечая.
Идет.
Отмеряет шаги секундантом.
Шаги отдаляются...

Слышатся сле...

Просветление
мира.

Весь мир остальной отодвинут куда-то
лишь трубкой в меня неизвестное делит.

Застыли докладчики всех заседаний,
не могут закончить начатый жест.
Как были,

рот разинув

сюда они

смотрят на Рождество из Рождеств.
Им видима жизнь.

от дрызг и до дрызг.

Дом их

единая будняя тиша.

Будто в себя

в меня смотрясь

ждали

смертельной любви поединок.

Окаменели сиренные рокоты.

Колес и шагов суматоха не вертит.

Лишь поле дуэли

да время доктор

с бескрайним бинтом пещеляющей смерти.

Москва —

за Москвой поля примокати.

Моря —

за морями горы стройны.

Вселенная

вся

как будто в бинокле

в огромном бинокле (с другой стороны).

Горизонт распрямился

ровно ровно.

Тесьма.

Натянут бичевкой тугой.

Край один:

я в моей комнате, —

ты в своей комнате край другой.

А между

такая,

какая не считается, —

какая-то гордая белой обновой

через вселенную

легла Мясницкая

миниатюрой кости слоновой.

Ясность.

Прозрачайшей ясностью питка.

В Мясницкой

деталью искуснейшей выточки

кабель

тонюсенький —

ну, просто питка!

И все

вот на этой вот держится ниточке.

Дуэль.

Раз!

Трубку наводят.

Надежду

брось.

Два!

Как раз

остановилась

не дрогнув

между

моих

мольбой обводокнутых глаз.

Хочется крикнуть медлительной бабе, —

Чего задаетесь?

Стойте Дантесом.

Скорей

скорей просверлите сквозь кабель

пулей

любого яда и веса.

Страннее пуль

оттуда

сюда вот

кухаркой оброненное между зевот

проглоченным кроликом в брюхе удава

по кабелю

вижу

СЛОВО ползет.

Страннее слов

из древнейшей древности

где самку клыком добывали люди еще

ползло

из шнура —

скребущейся ревности
времен трогладитских тогдашнее чудище.
А может быть...

Наверное может!
Никто в телефон не лез и не лезет,
нет никакой трогладичьей рожи.
Сам в телефоне.

Зеркалюсь в железе.
Возьми и пиши ему ВЦИК циркуляры!
Пойди—эту правильность с Эрфуртской сверь!
Сквозь первое горе
бессмысленный
ярый

мозг поборов
проскребается зверь.

Что могут сде- Красивый вид.
латься с чело- Товарищи!
веком! Взвесьте!

В Париж гастролировать едуций летом
поэт.

Почтенный сотрудник Известий
царапает стул когтем из птичьего.
Вчера человек
единым махом
языками свой размедведил вид я!
Косматый.

Шерстью свисает рубаха.
Тоже туда-ж!?
В телефоны бабахать!?
К своим пошел!
В моря ледовитые!

Размедвежение. Медведем
когда он смертельно сердится
на телефон
грудь
на врага тяну.

А сердце
глубже уходит в рогатину!
Течет.

Ручьица красной меди.
Рычанье и кровь
лакай темнота!

Не знаю
плачут ли
нет медведи
но если плачут
то именно так.

То именно так:
без сочувственной фальши

Ползло
из шнура
скребущейся ревности
времен трогладитских тогдашнее чудище.

скулят

заливаясь ущельной длиной.

И именно так их медвежий Бальшин
скуленьем разбужен ворчит за стеной.

Вот так медведи именно могут:

недвижно

задравши морду

как те

повыть

извыться

и лечь в берлогу

царапанная логово в двадцать когтей.

Сорвался лист.

Обвал.

Беспокоит.

Винтовки лишки

не грохнули б враз.

Ему лишь взмедведиться может такое
сквозь слезы и шерсть бахромающую глаз

Протекающая
комната.

Кровать

Железки

Брахлю одеяло.

лежит в железках

тихо

вяло.

Трепет пришел.

Пошел по железкам.

Простынь постельная треплется плеском.

Вода лизнула холодом ногу.

Откуда вода?

Почему много?

Сам наплакал

Плакса

Слякоть.

Неправда—

столько нельзя наплакать.

Чортова ванна!

Вода за диваном.

Под столом

за шкафом вода.

С дивана,

сдвинут воды задеваньем

в окно проплыл чемодан.

Камни

Окурок

Сам кинул

Пойти потушить

Потушится

Страх.

Куда?

К какому такому камню?

Верста.

За верстою берег в кострах.

Размыло все

даже запах капустный

с кухни

всегдашний

приторно сладкий.

Река.

Вдали берега.

Как пусто!

Как ветер воет в догонку с Ладоги!

Река.

Большая река.

Холодная.

Рябит река.

Я в середине.

Безым медведем

влез на льдину

плыву на своей подушке льдине.

Бегут берега

за видом вид.

Подо мной подушки лед.

С Ладоги дует

Вода бежит.

Летит подушка плот.

Плыву.

Лихоражусь на льдине подушке.

Одно ощущение водой не вымыто:—

Я должен

не то под кроватные дужки

не то

под мостом проилыть под каким-то.

Были вот так же

ветер да я.

Эта река!...

Не эта

Иная.

Нет не иная!

Было:

Стоял.

Было — блестело

теперь вспоминаю.

Мысль растет.

Не справлюсь я с нею.

Назад!

Вода не выхлестит плот.
 Видней и видней...
 Ясней и яснее...
 Теперь неизбежно...
 Он будет!
 Он вот!!!

Человек из-за Волны устои стальные моют.
 7-ми лет. Недвижный
 странный
 опершись в бока
 столицы
 в отчаянии созданной мною
 стоит
 на своих столбчатых быках.
 Небо воздушными скрепами вышил.
 Из вод феерией стали восстал.
 Глаза подымаю выше
 выше...

Вон!
 Вон —
 опершись о перила моста...
 Прости Нева!
 Не прощает
 гонит.

Сказься!
 Не сказься бешеный бег.

Он!
 Он —
 у небес в воспламенном фоне
 прикрученный мною стоит человек.
 Стоит.

Разметал изросшие волосы.
 Я уissi ланю.
 Напрасные мненья!
 Я слышу
 мой
 мой собственный голос.

Мне ланы дырявит голоса нож.
 Мой собственный голос —

он молит —

он просится:

Владимир!

Остановись!

Не покинь!

Зачем ты тогда не позволил мне броситься!
 С размаху сердце разбить о быки?
 Семь лет я стою.

Я смотрю в эти воды

к перилам прикручен канатами строк.
Семь лет с меня глаз эти воды не сводят.

Когда ж

когда ж избавления срок?

Ты, может, к ихней примазался касте?

Целуешь?

Ешь?

Отпускаешь брюшко?

Сам

в ихний быт

в их семейное счастье

намёревался пролезть петушком?

Не думай!

Рука наклоняется вниз его.

Грозится

сухой

в подмостную кручу.—

Не думай бежать!

Это я

— вызвал.

Найду

Загоно

Доканаю

Замучу!

Там

в городе

праздник.

Я слышу гром его.

Так что ж

скажи чтоб явились они.

Постановление неси — исполкомово.

Муку мою — конфискуй

отмени.

Пока

по этой

по Невской

по глубн

счастель любовь

не придет ко мне

скитайся ж и ты

и тебя не полюбят.

Гребн!

Тони меж домовых камней!

Спасите!

Стой подушка!

Напрасное тщенье.

Ланой гребу —

плохое весло.

Мост сжимается.

Я уши лаплю —
напрасные мнешь!
слышу
мой
мой собственный голос
мне лапы дырявит голоса нож.

Невским течением
 меня несло
 несло и несло.
 Уже я далеко
 Я может быть за день.
 За день
 от тени моей с моста.
 Но гром его голоса гонится сзади.
 В погоне угроз паруса распластал.
 Забыть задумал невидный блеск?!
 Его заметишь?!
 Не кем!
 Но гроб запомни переплеск
 плескавший в „Человеке“.
 Начал кричать.
 Разве это осилите?!
 Буря бьется
 не осилить во век
 Спасите! Спасите! Спасите! Спасите!
 Там
 на мосту
 на Неве
 человек!

II.

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО.

Фантастическая Бегут берега
 реальность. за видом вид.
 Подо мной
 — подушка лед.
 Ветром ладожским гребень завит.
 Летит
 льдышка плот.
 Спасите! — сигналю ракетой слов.
 Надаю качкой добытый.
 Речка кончилась —
 море росло.
 Океан
 большой до обиды.
 Спасите!
 Спасите!
 Сто раз подряд
 реву батареей пушечной.
 Внизу
 подо мной

растет квадрат
остров растет подушечный.
Замирает — замирает

замирает гул.
Глуше, глуше, глуше...
Никаких морей.

Я
— на снегу.

Кругом
версты суши.
Суша — слово.

Снегами мокра.
Подкинут метельной банде я.
Что за земля?

какой это край?
Грен
ланд

люб-ландия?
Боль были. Из облака выроста дунная дынка
стену постепенно в тени оттеня.
Нарк. Петровский

Бегу
Ходынка
за мной.

Вперевы Тверской проезд...
А у у у!
К Садовой аж выкинул „у!“
Одлобей

или машинной
но только
мордой

аршин в снегу.
Пустей слова материнны.
„От нана олен?!“
Для чего глаза виражены?!
Эй ты!

Мать твою разнэн!
Ряженный! —
Ах!

Да ведь
я медведь.
Недоразуменье!
Надо

проходим
что я не медведь
только вышел походить.

Спаситель. Вон
от заставы

идет человечек.
За шагом шаг вырастает короткий.
Луна

голову выправила в венчик
Я уговорю
чтоб сейчас же
чтоб в лодке.

Это спаситель!
Вид Писуса
спокойный и добрый
венчанный в луне.
Он ближе —

лицо молодое безусо.
Совсем не Писус
Нежной
Юней.

Он ближе стал
он стал комсомольцем.
Без шапки и шубы
Обмотки и френч
То сложит руки
будто молится.
То манет
будто на митинге речь.
Вата снег —

мальчишка шел по вате
Вата в золоте —
чего уж пощловатей!?
Но такая грусть —
что стои

и грустью ранься!

Романс.

Расплывайся в прощанном романсе:
Мальчик шел в закат глаза уставя.
Был закат непревзойдимо желт.
Даже снег желтел к Тверской заставе.
Ничего не видя мальчик шел.
Шел
вдруг
встал.
В шелк
рук
сталь.
С час закат смотрел глаза уставя
за мальчишкой легкую кайму.
Снег хрустя разламывал суставы.
Для чего?
зачем?
кому?

Был вором ветром мальчишка обыскан.
 Пошла ветру мальчишки записка.
 Стал ветер Петровскому парку звонить:
 Прощайте...

Кончаю...

Прошу не винить...

Ничего не по-
 делаешь.

До чего ж —
 на меня похож!
 Ужас.

Но надо ж!

Дернулся к луже!
 Залитую курточку стягивать стал.
 Ну что ж товарищ!

Тому еще хуже —
 семь лет он вот в это же смотрит с моста.
 Нанялил еще

— другого калибра.
 Никак не намылишь —

зубы стучат.
 Шерстицу с ланинц и с мордицы выбрил
 Гляделся в лыдину...
 бритвой луча...

Почти
 почти такой же самый.

Бегу
 мозги шевелят адресами.

Во первых
 на Пресню

туда
 по задворкам —
 тянет инстинктом семейная порка.
 За мной

всероссийские
 теряясь точкой
 сын за сыном
 дочка за дочкой.

Всехные роди-
 тели.

Володя!
 На Рождество!

Вот радость!
 Радость-то во!..

Прихожая тьма.
 Электричество комната.

Сразу —
 Нанесось лица родни.

Володя!
 Господи!

Что это?
 В чем это?—

Ты в красном весь.
 Покажи воротник!
 Не важно мама
 дома вымою.
 Теперь у меня раздолье —
 вода.

Не в этом дело.
 Родные
 Любимые
 Ведь вы меня любите?
 любите?
 Да?

Так слушайте ж!
 Тетя!
 Сестры!
 Мама!

Тушите елку!
 закройте дом!
 Я вас поведу
 вы пойдете
 мы прямо
 сейчас же
 все
 возьмем и пойдём.
 Не бойтесь —
 это совсем не далеко
 600 с небольшим этих крохотных верст.
 Мы будем там во мгновение ока.
 Он ждет
 Мы вылезем прямо на мост.

Володя
 родной
 успокойся! —
 Но я им
 на этот семейственный писк голосков:
 Так что ж?!

Любовь заменяете чаем?
 Любовь заменяете штонкой носков?
 Не вы —
 не мама Александра Альсеевна
 Вселенная вся семьею засеяна.

Смотрите
 мачт корабельных щетина —
 в Германию врезался Одера клин.
 Слезайте, мама,
 уже мы в Штеттине.
 Сейчас,

Путешествие
 с мамой.

мама,
 несемся в Берлин.
 Сейчас летите мотором урча вы:
 Париж

Америка
 Бруклинский мост
 Сахара —
 и здесь
 с негритоской куртавой
 лакает семейкой чай негритос.
 Сомнете периной

и волю
 и камень.

Коммуна
 и то завернется комом.

Столетия
 жили своими домками
 и нынче зажили своим домкомом!

Октябрь прогремел
 карающий
 судный.

Вы
 под его огненерым крылом
 расставились
 разложили посудины.
 Научных волос не расчешешь котом.
 Печезни дом

родимое место!
 Прощайте!
 Отбросил ступеней последок.
 Какое тому поможет семейство?!
 Любовь цыплячья!

Пресненские
 миражи.

Любвишка наследок!
 Бегу и вижу
 всею в виду
 Рудринскими вышками
 себе наветречу

сам

иду

с подарками подмышками.
 Мачт крестами на буре распластан
 корабль кидает балласт за балластом.
 Будь проклята

опустошенная легкость!—
 Домами осканила скалы далекость.
 Ни люда ни заставы нет.

Горят снега
 и голо

и только из за-ставенек
 в огне пытки слок.
 Ногам внекор
 тормозами на быстрые
 вставали стены окнами выстроясь.
 Но стеклам
 тени
 фигурками тира
 вертелись в окне
 зазывали в квартиры.
 С Невы не сводит глаз
 предлог
 стоит и ждет
 помогут.
 За первый встречный за порог
 закидываю ногу.
 В передней пьяный проветривал бредни.
 Стрезвел и дернул стремглав из передней.
 Зал заливался минуты две:
 Медведь
 медведь
 медведь
 медведь!

Муж Феклы Да-Потом
 видены со мной извертась вопросительным знаком
 и со всеми зна-хозяин подглаза просушил
 ногами. — однако!

Маяковский!
 Хорош медведь!—
 Пошел хозяин любезностями медоветь:
 — Пожалуйста
 Пропу-с
 Ничего
 — я боком.
 Печальная радость-с, как сказано у Блока.
 Жена — Фекла Двидна
 Дочка
 точь в точь
 в меня видно —
 семнадцать с половиной годочков.
 А это:..
 Вы кажется знакомы?! —
 Со страха к мышам ушедшие в норы,
 из-под кровати полезли партнеры.
 Уеница —
 — к стеклам ламповым пыльники —
 из под столов пошлц собутыльники.
 Ползут с-под шкафа чтецы почтители.

Весь безликий парад подчитать ли.
Идут и идут процессией мирной.
Влесят из бород паутинной квартирной.
Все так и стоит столетья
как было.

Не бьют
и не тронулась быта кобыла.
Лишь вместо хранителей духов и фей
ангел хранитель:
жидец в галифе.

Но самое страшное:
по росту
по коже

одеждой
сама походка моя!—
в одном
узнаст
близнецами похожи —
себя самого —
сам
я.

С матрацев,
вздымая постельные тряпки,
клоны, приветствуя, подняли лапки.
Весь самовар рассылся в лучики —
хочет обнять в самоварные ручки.
В точках от мух
веночки

с боев
вешают голову сами собою.
Взыграли тунг ангелочки-горнисты,
пророзовев из иконного глянца.

Писухе,
приносяв
венки тернистый,
любезно кланяется.

Марке.

впращенный в алую рамку.
и то таццц обывательства лямку.
Запелл итццц на каждой на жердочке,
герани в поздрн лезут из кадочек.

Как были
сидя сняты
на карточках,
радушно бабушки лезут из карточек.
Раскланились все
осклабались враз;
кто басом фразу,

И это стоит столетья
как было
не быют
и не тронулась быта кобыла.

кто в дискант
 дьячком;
 С праздничком!
 С праздничком!
 С праздничком!
 С праздничком!
 С праз —
 нич —
 ком!

Хозяин
 то тронет стул,
 то дунет;
 сам со скатерти крошки вымет:
 Да я не знал!..
 Да я б накануне...
 Да, думаю, занят...
 Дом...
 со своими...

Бессмысленные Мой свои?
просьбы. Д-а-а-а-

 это особы.
 Их ведьма, разве, сыщет на венке!
 Мой свои
 с Енисея
 да с Оби
 идут сейчас
 следят четвереньки.
 Какой мой дом?!
 Сейчас с него —
 подушкой-льдом
 плыл Невой-
 мой дом
 меж дамб
 стал льдом
 и там...
 Я брал слова
 то самые вкрадчивые,
 то странно рыча
 то вызвоня лирово.
 От выгод —
 не вечную славу сворачивал
 молыл,
 грозил,
 просил,
 агитировал.
 — Ведь это для всех...
 для самих...
 для вас же...

Ну, скажем, Мистерия
 — ведь не для себя ж?..
 Поэт там и прочее...
 ведь каждому важен...
 Не только себе-ж
 — ведь не личная блажь...
 Я, скажем, медведь, выражаясь грубо...
 Но можно стихи...
 Ведь едят же шкуру?!
 Подкладку из рифм поставишь
 и пойдешь...
 Потом у каминна...
 там кофе...
 курят...
 Дело пустячно:
 ну, минут на десять...
 Но нужно сейчас,
 пока не поздно...
 Похлопать может...
 Сказать...
 надейся!..
 Но чтоб теперь же...
 чтоб это серьезно...
 Слушали, улыбаясь, именитого екомороха.
 Катали по столу хлебные мякиши.
 Слова об любви
 и в тарелку
 горохом.
 Одни расчувствовались,
 вином размягчивши:
 Пообострой...
 пообострой...
 Очень даже и просто—
 Я пойду!..
 Говорят, он ждет...
 на мосту...
 Я знаю...
 Это на углу Кузнецкого моста.
 Пустите!
 нукося!
 По углам
 — зуди:
 называю-называются!
 Будет ныть!
 Поесть понить
 понить поесть
 и за бб!
 Теорию к лешему!

Нэн
— практика

Налей
нарежь ему

Футурист —
налягте-ка!

Вичуть не смущаясь челюстей целостью
пошли греметь о челюсть челюстью.

Шли
из артезианских прорв
меж рюмкой
слова поэтических споров.

В матрац
подтороковались.
влезли клоны.

На вени насела столетняя пыль.
А тот стоит —
в перила вбит.

Он ждет.
он верит:
скоро!

Я снова лбом
я снова в быт
вбиваюсь слов напором.

Опять
атакую и вкривь, и вкось.
Но странно:
слова проходят насквозь.

Необычайное. Стихает бас в комариные трельки
Подбитые воздухом стихли тарелки
Обои

стены
блекли...
блекли...

топули в серых тонах офортных.
Со стенки

на город разросшийся
Беклин

Москвой расставил остров мертвых.
Давным давно.

Подавно
теперь.

И нету прощя!

Вон
в лодке
скутан саваном
недвижный перевозчик.

Деваться
некуда.

Не то моря
 не то поля —
 их поро́х тишью стерт весь.
 А за морями
 — тополя
 возносят в небо мертвость.
 Чтож
 — ступлю!
 И сразу
 тополи
 сорвались с мест
 пошли
 затонали.
 Тополь стали спокойствия мерами,
 ночей сторожами,
 милиционерами.
 Расчетверившись
 белый Харон
 стал колоннадой почтамтских колон.
 Так с топором влезают в сон —
 обметят сияцелобых
 и сразу
 исчезает все
 и видишь только обух.
 Так барабаны улиц
 в сон
 войдут
 и сразу вспомнится —
 это вот тоска
 и угол вон
 за ним
 она
 виновница. —
 Прикрывши окна ладонью угла
 стекло за стеклом вытягивал с краю
 Вся жизнь
 на карты окон легла —
 Очко стекла
 и я проиграю.
 Арап —
 миражей шулер —
 по окнам
 разметил нагло веселня крап.
 Колода стекла
 торжеством яркоогним
 сияет нагло у ночи из лап.
 Как было раньше —
 вырости-б

СТИХОМ В ОКНО ВЛЕТЕТЬ.

Нет

никни к стённой сырости.

И стих

и дни не те.

Морозят камни.

Дрожь мочит

и редко ходят венники.

Плевками,

сиявши банмаки,

ветунаю на ступеньки.

Не молкнет в сердце боль никак,

кует к звену звено.

Вот так,

убив,

Раскольников

пришел звенеть в звонок.

Гостьё идет по лестнице...

Ступеньки бросил

— стенкою.

Стараюсь в стенку вплескаться.

и слышу —

струны тенькают.

Быть может села

вот так

невзначай она.

Лишь для гостей.

для широких масс.

А пальцы

сами

в пределе отчаянья

Друзья.

ведут беспабашье над горем глумясь.

А вороны гости?!

Дверье крыло

раз сто по бокам корридора нехлопано.

Горлань горланья,

оранья орло

ко мне доплеталось пьяное доньяна.

Полоса

Щели

Голоса

сле:

„Аннушка

— ну и румянущка“!

Пирогн...

Печка...

Шубу...

Помогает...

С плечика...

Слушило слова уагстенным темпом
и снова слова сквозь теми уагстена:

„Что это вы так развеселились?
Разве?!“

Слились...

Опять полоса осветила фразу.

Слова непонятны —

особенно сразу.

Слова так

(не то чтоб со зла):

„Один тут сломал ногу
так вот веселимся чем бог послал
танцуем себе понемногу“.

Да,

их голоса.

знакомые выкрики.

Застыл в узнавание,

расплывшись, нем

фразы крою по выкриков выкройке.

Да —

это они

они обо мне.

Шелест.

„Листают наверное ноты

„Ногу говорите?“

„Вот смешно-то!“

И снова

в тостах стаканы пechoканы

и сыплют стеклянные искры из щек они.

И снова

пьяное:

„Ну и интересно!

Так, говорите, пополам и треснул?

„Должен огорчить вас, как ни грустно,
не треснул, говорят,

а только хрустнул.“

И снова

хлопанье двери и карканье

и снова танцы полами нешарканые.

И снова

стен раскаленные стены

под ухом звенят и вздыхают в тустене.

Только-б не ты. Стою у стенки

Я не я.

Пусть бредом жизнь смолотась

Но только б, только б не ее

И снова
стен раскаленные степи
под ухом звенят и вздыхают в тупе.

невыносимый голос!

Я день

я год обыденные предал
я сам задыхался от этого бреда.

Он

жизнь дымком квартирным звал:
Звал:

решишь

с этажей

в мостовые!

Я бегал от зова разинутых окон,
любя убегал —

пускай односторонно,

пусть лишь стихом,

лишь шагами ночными, —

прочинишь

и становаются души строчными
и любвишь стихом

а в прозе немою,

Ну вот не могу сказать

не умею. —

Но где, любимая,

где, моя милая,

где

- в песне!

любви моей изменил я?

Здесь

каждый звук

чтоб признаться

чтоб кликнуть.

А только из песни — ни слова не выкинуть
Вбегу на трель

на гаммы.

В упор глазами

в цель!

Гордись двумя ногами

Ни с места! — крикну —

Ца! —

Скажу:

смотри

даже здесь, дорогая,
стихами грома обыденщины жуть
имя любимое оберегая
тебя

в проклятиях моих

обхожу.

Приди

разотзовишь на стих

Я всех оббегав — тут.
Теперь лишь ты могла б снасти.
Вставай!

Бежим к мосту!
Быком на бойне
под удар
банку мою нагнул.
Сбору себя
пойду туда.
Секунда
и нагну.

Шагание стиха. Последняя самая эта секунда
секунда эта
стала началом
началом

невероятного гуда.
Весь север гудел.
Гудения мало:
По дрожи воздушной
по колебанью
догадываюсь

— оно над Любанью.

По холоду
по хлопанью дверей
догадываюсь

— оно над Тверью.

По шуму
настежь окна раскинул —
догадываюсь

— кинулся к Клину.

Теперь грозой Разумовское зашло.
На Николаевском теперь
на вокзале.

Всего дыхание одно
а под ногой

ступени
поцели

поцелили ходуном
вздвигаясь в неведомой пене.
Ужас дошел

В мозгу уже весь
Патягивая нервов строй,
разгуживаясь все и разгуживаясь
взорвался

пригвоздил:

Стой!

Я пришел из за семи лет
из за верет шести ста

Женщины русский!
 мяса и тряпок вазанки-
 смеются
 станцы стараются
 за ноги:
 „Не пойдём.
 Дудки.
 Мы --- проститутки“.
 Быть Сены полосе б Невои!
 Грядущих лет брызгой
 хожу по мле по Сеновой —
 всей пылкости изгой.
 Сажённый
 обремененный
 сажённый
 битый
 в бульварах
 ору через каски военины:
 Под красное знамя!
 Шагайте!
 По быту!
 Сквозь мозг мужчины!
 Сквозь сердце женщины!
 Сегодня
 гнали
 в особенном раже.
 Ну и жара же!
 Полусмерть. Надо
 немного обветрить лоб
 Пойду
 пойду куда не вело б.
 Визгу свистят сержанты трельники
 Тело
 с панели
 уносят метельники
 Рассвет.
 Подымаюсь сенскою сенью,
 синематографскою серой тенью.
 Вот!
 Гимназистом смотрел их
 с парта
 мелькают сбоку Франции карты.
 Вспоминая последний ток
 ганди-я прощатся
 к странам Востока.
 Случайная стан- С разлету рванулся —
 ция. и стал

и на мочь.
 Духомъ мой зацѣпленъ пѣтанми
 Ощущал —

скользко —
 дуковка точно,
 Большое очень,
 Непозолочено,
 Под дувкой
 колоколов завыванье,
 Вечер зубцы стѣны выкаймил.
 На Иване я
 Великом.

Вышки кремлевские никами
 Московские окна
 видятся еле.

Всего
 Елками зародившим.
 В ущелья кремлевы волна ударяла
 то несня

то звона рождественский вал
 С семи холмов

низвергается Дарьялом
 бросала Терекон
 прастини

Москва.

Вдвигается валом,
 Двухмоторо дукусъ.

Борол.
 оступивъ на одну только пядь,
 и — от

старый
 рождественский ужас

меня
 но Мачицкой закружит опять.

Повторение
 пройденного.

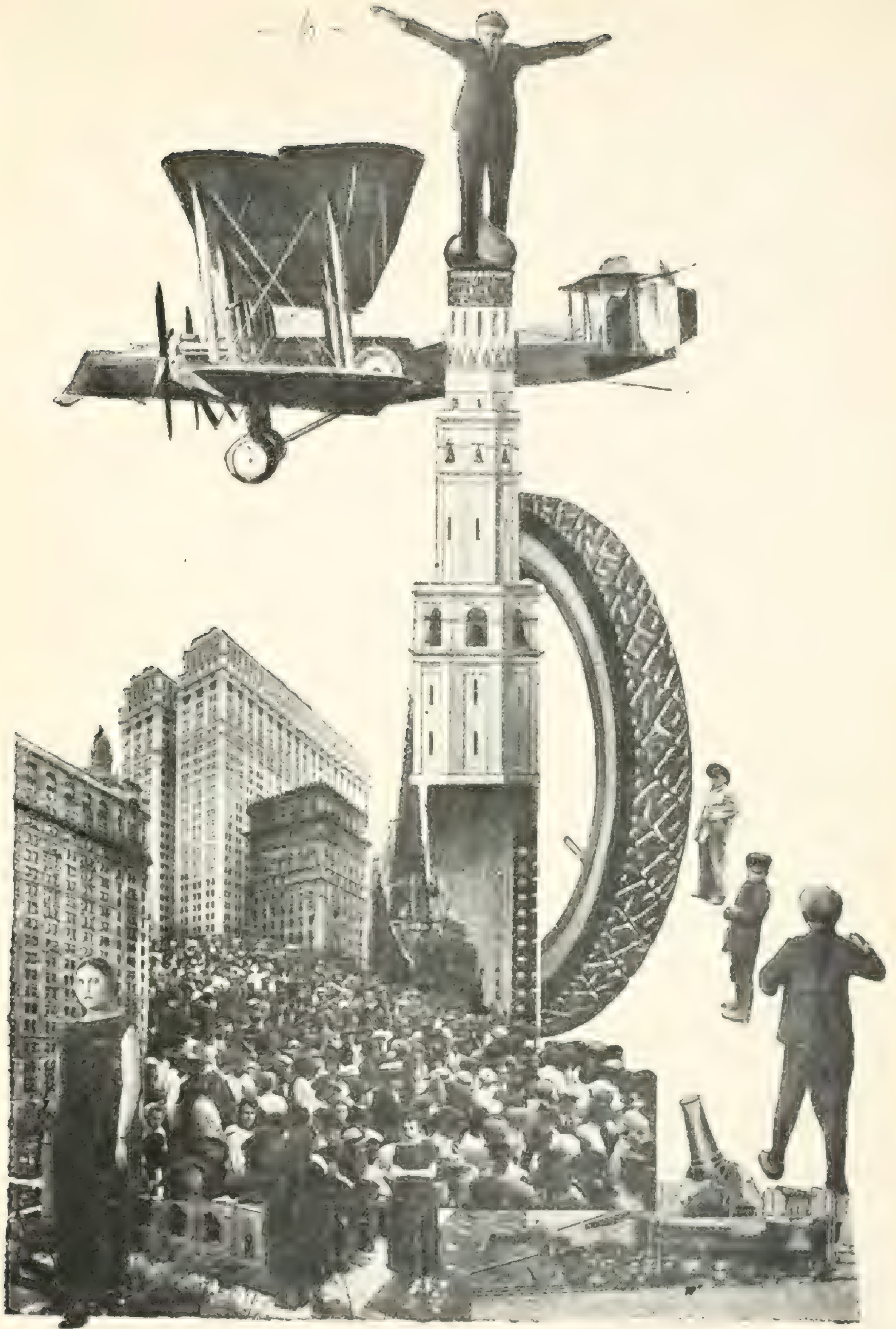
Руки крестом
 крестом
 на вершине,
 ловлю равновесие,
 страшно ману.

Густеет ночь
 не вижу в аршинѣ.

Луна,
 Подо мною
 льдистый Манук.

Никак не справлюсь с моим равновесием
 Как будто с Вербы—
 руками картонными
 Заметят

Ореюда виден весь я.
 Смотрите
 Кавказ кишит Пинкертонами
 Замечили.
 Всем сообщили сигналом.
 Любимых
 друзей
 человечья донты
 со всей вселенной сигналом сигнале
 Спешат расчитатся
 плут дуэлянты
 Шепчутся
 шепчутся
 еще и еще там
 Плывут на ладони
 Ладонями сочными,
 руками,
 ветром,
 нечаянно,
 без счета
 в мочалку щеку истрепали пощечинами.
 Паседали
 перчаточных лавок початки,
 там
 духи разжевая паточные
 снимали
 в лицо пивыряли перчатки,
 пивырялись в лицо магазинные перчаточные
 Газеты,
 журналы,
 зря не gazeйте!
 На помощь летящим в морду венцам
 ругной
 за газетной взвейся газетина!
 Слыхом в ухо!
 Хватай клевета!
 И так я галера в любовном боленки
 Для ваших оставте помоев ушат.
 Я вам не мешаю.
 К чему оскорбленья.
 Я только стих
 я только душа.
 А снизу:
 Нет!
 ты враг наш столетний
 Один уж такой понадея—
 Гусар!
 Понохай порох.

Ловлю равновесие,
страшно машу.

Последняя
смерть.

свиней, пистолетный.
Рубаху в распайку!
Не праздный труса!
Хлебе дивня,
грома бодрей
бровь к брови
ровненько
со всех винтовок
со всех батарей
с каждого маузера и браунинга
с сотни шагов
с десяти
с двух

в упор
за зарядом заряд.
Станут чтоб перевести дух
и снова свинцом сорят.
Конец ему!
В сердце свинец!
Чтоб не было даже дрожи!
В конце концов

То что оста-
лось

всему конец.
Дрожи конец тоже.
Окончилась бойня.
Веселье клокочет.
Смакуя детали, разлезлись шажком
Лишь на Кремле
погоды ключья
сняли по ветру красным флажком
Да небо
по прежнему
лирикой звездится.
Гляди
в удивенье небесная звезды
Затрубадурила Большая Медведица
Зачем?
В королевя поэтов пролезть?
Большая,
неси по векам Араратам
сквозь небо потопа
ковчегом ковном.
С борта
звездолетом
медведьшеским брато
горланю стихи мирозданью в шум.
Скоро!
Скоро!
Скоро!

В пространство!
 Пристающей!
 Солнце блестит горы.
 Дни улыбаются с пристани.

ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ.....

(Прошу вас, товарищ химик, заполните сами!)

Пристает ковчег.
 Сюда лучами!
 Пристань.
 Эй!
 Кидай канат ко мне!
 И сейчас же
 ощутит плечами
 тяжесть подоконных камней.
 Солнце
 ночь потона высушило жаром.
 У окна
 в жару встречаю день я.
 Только с глобуса — гора Калемаджаре
 Только с карты африканской Кении
 Голой головою глобус.
 И
 над глобусом
 от гора горбность.
 Мир
 хотел бы
 в этой груде гора
 настоящие облачить груди горы.
 Чтобы с полюсов
 по всем жилам
 лаву раскатил горяц и камень
 так хотел бы разрыдаться я
 медведь — коммунист.
 Столбовой отец мой
 дворянин.
 Кожа на моих руках тонка.
 Может
 я стихами выхлебаю дни
 и не увидав токарного станка.
 Но дыханием моим,
 сердцебеньем,
 голосом.

каждым острием издыбленного в ужас волоса,
цырами поздрей.

гвоздями глаз.

зубом некрежещенным в звериный лязг,
сжью кожи

гнева брови сборами.

грибным пор

достоюно —

всеми порами

в осень,

в зиму,

в весну,

в лето

в день,

в сон

не принимаю

напавижу это

все.

Все

что в нас

ушедшим рабым вбито

Все

что мелочинным роem

оседало

и осело бытом

даже в нашем

краснофлагом строе.

И не доставлю радости

видеть

что сам от заряда стих.

За мной не скоро потянете

об упокой его душу таланте.

Меня

из за угла

ножом можно.

Дантесам в мой не целить доб.

Четырежды состарюсь — четырежды омоло-
женным

ю гроба добратся чтоб.

Где б ни умер

умру — ноя.

В какой трущобе ни лягу

знаю

достойн лежать я

с легшими под красным флагом.

Но за что ни лечь —

смерть есть смерть.

Странно не любить —

ужас — не смель
 За всех — пухля
 за всех — нож.
 А мне когда?
 А мне то чтож?
 В детстве, может,
 на самом дне,
 десять найду
 сносных дней.
 А то что другим!
 Для меня б этого!
 этого нет.

Видите —
 — нет его!
 Верить бы в загробь!
 Легко прогулку пробную.
 Стоит
 только руку протянуть —
 пухля
 мигом
 в жизнь загробную
 начертит гремящий путь.
 Что мне делать
 если я
 во всю
 всей сердечной мерой
 в жизнь свою
 сей

мир
 верю,
 верую.

Вера.

Пусть во что хотите желания удлинатся
 вижу ясно
 ясно до галлюцинаций.
 До того
 что кажется —

вот только с этой рифмой
 и вбежишь
 по строчке
 в изумительную жизнь.
 Мне ли сиранивать
 да эта ли?
 Да та ли?

Визу
 вижу ясно до деталей.
 Воздух в воздух
 будто камень в камень

Четырежды состарюсь, четырежды омоложенный.

недоступная для тленов и крошечий
распявшись

высится веками

мастерская человеческих воскрешений.

Вот он

большелобый

тихий химик

перед опытом наморщил лоб.

Книга

„всё-земля“ —

выскакивает имя.

Век XX-ый.

Воскресить кого б?

— Маяковский вот...

поищем ярче лица, —

недостаточно поэт красив.

Крикну я

вот с этой

с пыльной страницы:

не листай страницы!

Воскреси!

Надежда. Сердце мне вложи

кровицу —

— до последних жил.

В череп мысль вдобой!

Я свое, земное, не дождал

на земле

свое не удостоил.

Был я сажень ростом.

А на что мне сажень?

Для таких работ годна и ты.

Перышком скрипел я в комнатенку всажен.

Виллоцился очками в комнатный футляр.

Что хотите буду делать даром

тиснить

мыть

стеречь

мотаться

мстить.

Я могу служить у вас

хотя б швейцаром.

Швейцары у вас есть?

Был я весел —

толик веселым есть ли

если горе наше непролазно,

ныче

обнажают зубы если

только чтоб хватить

И она
— она зверей любила —
тоже ступит в сад.

Хотя б за то
 что я
 Поэтом
 ждал тебя,
 откинул будничную чужь,
 Воскреси меня
 хотя б за это!
 Воскреси —
 свое дожить хочу!
 Чтоб не было любви — служанки
 замужеств
 похоти
 хлебов,
 Поестели прокляв,
 встав с лежанки
 чтоб всей вселенной пла любовь,
 Чтоб день
 который горем старяиц
 не христарадинчат, моля,
 Чтоб вся
 на первый крик:
 — товарищ! —
 оборачивалась земля,
 Чтоб жить
 не в жертву дома дырам,
 Чтоб мог
 в родне
 отныне
 стать
 отец —
 по крайней мере миром
 землей по крайней мере — мать.

нар. 36
15 р.

№
36-17

